

# ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ И ПИСАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. НА ШТУНДИЗМ

*Ряполов В.Н.*

В наше время слово «штунда» не вызовет у неподготовленного человека никакой реакции. Большинству людей оно покажется совершенно непонятным, за исключением тех, кто в той или иной степени знаком с немецким языком или изучает его: например, для школьника это просто урок. Но в конце XIX — начале XX в. это слово вызывало споры, в нем видели угрозу, штунде посвящались статьи, книги, о ней писали и говорили крупнейшие писатели, богословы, философы России, такие как Ф.М. Достоевский, К.П. Победоносцев, В.В. Розанов. В своих «Опавших листьях» Розанов даже пытался объяснить этот феномен: «Штунда — это мечта, “переработавшись в немца”, стать если не “святою” — такова мечта потеряна — то, по крайней мере, хорошо выметенною Русью, без вшей, без обмана и без матерщины дома и на улице.

— Несите вон иконы...

— Подавайте метлу!

С “метлою” и “без икон” Русь — это и есть штунда. Явление это огромно, неуловимо и повсеместно» [21, с. 378].

В настоящей статье будет представлен опыт осмысления русскими философами и писателями феномена штунды, ее появления, развития и исчезновения.

В середине XVIII в. в Европе появилась идея, ставившая напрямую зависимость мощи государства от количества населения, проживающего в нем. Будучи еще великой княгиней, Екатерина II заинтересовалась этой идеей и уже спустя два месяца после своей коронации (22 сентября / 3 октября 1762 г.) в декабре 1762 г. издала манифест, приглашавший всех иностранцев в Россию. Кроме того, в целях возвращения на Родину объявлялась амнистия в отношении лиц, ранее бежавших из страны и поселившихся в Турции, Польше, Швеции. Понимая, что возможен наплыв населения и желая упорядочить иммиграционную деятельность, 22 июля 1763 г. императрица учредила специальную Канцелярию опекунов иностранных в статусе коллегии под руководством Григория Орлова, и в этот же день был подписан указ, регламентирующий политику страны по переселению иностранных граждан сроком на сорок лет. По этому указу иностранцам, пожелавшим поселиться в России, разрешалось самим выбирать место жительства и род занятий. Принеся присягу на «верное

подданство», они получали право свободно исповедовать свою веру и строить в деревнях храмы с колокольнями. Иностранцам запрещалось проповедовать свою религию среди местных жителей, кроме мусульман. Иностранцы-поселенцы-крестьяне на тридцать лет освобождались от налогов, а те, кто становились горожанами, — на более короткие сроки. С них не требовали ни поставки рекрутов, ни постоянной повинности. Канцелярия опекунства иностранных получила 200 000 рублей на свою работу [16, с. 576]. Чтобы заманить потенциальных переселенцев, в европейские страны были направлены профессиональные вербовщики, которые не всегда имели радушный прием у местных правителей, и лишь только в южных и западных немецких землях их работа была успешной. Для создания поселений были выделены пустующие земли Поволжья, Заволжья, а также Новороссии (Южной Украины). Поволжские земли были быстро заселены и благоустроены стараниями колонистов, правда, во время пугачевского бунта они сильно пострадали, так, например, было захвачено и разграблено поселение Сарепта. Однако число немцев, быстро залечивших раны, росло, и, как писал философ Иван Ильин: «Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII в. и позже (1765-1809) в числе 40-50 тысяч. К началу XX в. это был богатейший слой российского крестьянства числом около 1 200 000 человек» [15, с. 82]. Земли Новороссии, тянувшиеся от Буга до Донца, также были незаселенными вследствие постоянной угрозы их разграбления со стороны Крымского ханства. Поэтому сюда привлекались не только гражданские, но и военные переселенцы, да и выдаваемые наделы были достаточно привлекательны — до 30 десятин земли. С завоеванием Крыма, под гарантии генерал-губернатора Г. Потемкина, сюда стали стекаться беглые крепостные, раскольники, дезертиры, которым была обещана личная свобода, а также православные греки, болгары, молдаване, валахи, вырвавшиеся из-под гнета Турции. Организованно переезжали сюда и немцы, создавая свои колонии, ставшие впоследствии очагами распространения штундизма (от нем. *die Stunde* — час или урок, т.е. час или урок для чтения и толкования Библии). А пока это были не имеющие общей организации лютеранские и протестантские общины, независимые друг от друга и набравшие себе священников из Германии [16, с. 823].

Понятно, что появление штунды связывалось с переселением немецких колонистов, наверное, это и действительно было так. Об этом же писал и исследователь русского сектантства конца XIX — начала XX в. Владимир Андерсон в своей книге «Старобрядчество и Сектантство»: «...следует признать бесспорно и совершенно обоснованно в отношении развивающейся теперь с часу на час штунды, пришедшей к нам с запада, ... несколько видоизменившейся под влиянием особенностей русского духа, русского уклада, русской страстности и создавшей квинтэссенцию своеобразного, прямолинейно выведенного протестантизма, шагнувшего далеко вперед заветов Лютера своими строго практическими вывода-

ми из теоретических рассуждений...» [1, с. 420]. А вот Василий Розанов, будучи философом, видел корни этого явления намного глубже, уходящими еще в эпоху Петра I, в эпоху европеизации русской жизни и искоренения ее самобытности. «...Штунда — не одно евангелическо-церковное явление. Штунда — это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что он работал, и что ему виделось во сне... Если бы Петр Великий знал тогда, что она есть или возможна, знал ее образ и имя, он воскликнул бы: «Вот! Вот!! Это!! Я только не умел назвать! — Это делайте и так верьте, это самое!!» [21, с. 378].

А.Н. Митрохин в своей книге, посвященной баптизму, приводит статистические данные по темпам колонизации переселенцами пустующих земель, опубликованные в «Русском вестнике» в феврале 1890 г.: «...К 1890 г. немецкие поселения в восьми губерниях и областях на юге страны характеризовались следующими данными: число колоний — 993, иностранных колонистов — 610145, земельных владений — 5705342 десятины...» [19, с. 211]. Крайней восточной точкой расселения немцев на юге России была Воронежская губерния, она же стала и крайней точкой распространения штунды на востоке. Как писал в своих этнографических заметках Н.И. Второв: «...В Воронежской губернии есть только одна немецкая колония Рибенсдорф, в семи верстах от города Острогоска, который сперва также назывался Рыбный и дал название этому немецкому поселению, заведенному в 1766 г. Из рибенсдорфских колонистов большая часть родом виртембергцы, затем пфальцские уроженцы, потом несколько человек из Австрии, Пруссии и Лифляндии и один швед. По 9 ревизии (1850-51 гг.) в Рибенсдорфе числилось 1448 душ обоего пола...» [5, с. 292-293].

Из всех переселенцев немцы оказались наиболее жизнеспособными. Спустя двести лет, рассматривая историю ссыльных народов, А.И. Солженицын высказал свое мнение о них, сформировавшееся у него в период отбывания ссылки. «...Впереслойку расселенные, друг другу хорошо видимые, выявляли нации свои черты, образ жизни, вкусы, склонности. Среди всех отменно трудолюбивы были немцы. ... Не зря говорили в прежней России: немец, что верба, куда ткни, тут и принялся. ... Не могли начальники нахвалиться немцами — лучших работников у них не было. К 50-м гг. у немцев были — среди остальных ссыльных, а часто и местных — самые прочные, просторные и чистые дома; самые крупные свиньи; самые молочные коровы. А дочери их росли завидными невестами не только по достатку родителей, но — среди распущенности прилагерного мира — по чистоте и строгости нравов...» [23, с. 398-399]. Традиция хозяйствования, принесенная немцами с их родины еще во времена Екатерины, хранилась в течение двух столетий в тех местностях, где они проживали, и во многом объясняла причину тяготения к ним русского крестьянского населения, особенно в пореформенный период.

В результате переселения немцев, продолжившегося и в XIX в., в Россию была «завезена» так называемая штунда пиетическая (пиетизм

от лат. *pietas* — благочестие). Вообще, как утверждал в 1986 г. «Атеистический словарь», название «штундизм» было придумано царской администрацией и Православной Церковью для сектантских течений, распространившихся на юге России в немецких колониях. И, как всегда, целью секты была борьба с «миродством», за справедливое распределение земных богатств [3, с. 496]. Пиетизм же возник в Германии в XVII в. в знак протеста против протестантской схоластики, занимавшейся систематической разработкой богословия, и призывал к пробуждению и обновлению религиозного чувства. Пиетисты настаивали на внутреннем благочестии и нравственном совершенствовании, организовывали религиозные собрания, посвященные молитве и совместному осмыслению Библии. Пиетическое движение было очень популярно в германских государствах и представляло собой, если можно так сказать, эволюцию религиозной мысли в рамках протестантизма, против формализма и слияния лютеранства с княжеской властью [17, с. 404]. Пиетическая штунда появилась в причерноморских немецких колониях в 1817-1821 гг. с переселенцами из Вюртемберга, а развитию ее способствовало прибытие в Россию в 1824 г. пастора Карла Бонкемпера. При этом уместно сказать, что это было одно из двух направлений штундизма, которое осталось внутренним делом вероисповедания немецких колонистов и на местное население никак не повлияло.

Чтобы понять, что такое штундизм как одна из ветвей протестантизма, достаточно прочитать иллюстрацию, данную ему русским мыслителем Николаем Яковлевичем Данилевским на примере жизни американского президента: «...Джефферсон был, что называется, вольнодумцем ... и, следовательно, не признавал божественности христианства, но, однако же, уважал многие из его истин. Желая отделить справедливое от того, что, по его мнению, ложно, он взял два экземпляра Евангелия и вырезывал из них то, что казалось ему сообразным со здоровым понятием о нравственности, или, проще сказать, то, что ему нравилось. Свои вырезки наклеивал он в особую тетрадку и таким образом составил себе свод нравственных учений, или, ежели угодно, систему религии для своего обихода. Каждый приверженец протестантского учения поступает, в сущности, совершенно таким же образом, или даже, собственно говоря, иначе и поступать не может. При этом, конечно, у каждого соберется тетрадка с особым содержанием, и мудрено себе представить, чтобы оно не носило на себе печати своего хозяина...» [12, с. 243].

Если в начале XIX в. штундисты не пытались распространять свое учение, оставаясь замкнутой религиозной группой, то с середины столетия миссионерское движение начало распространяться среди местного украинского населения, т.к. еще с XVIII в. пиетисты считали, что обязанностью каждого христианина является, кроме чтения и изучения Библии, и провозвестие Слова Божия. В 50-е гг. XIX столетия в связи с прибытием на юг России лютеранского проповедника Эдуарда Вюста возникло новопиетическое штундистское движение, ставшее именовать себя

«братскими меннонитами»<sup>2</sup>, которое по существу являло собой секту, отколовшуюся от официальных общин церковных лютеран и меннонитов. Как секта она начала преследоваться со стороны церковной и светской власти, но как писал еще в сентябре 1876 г. Федор Михайлович Достоевский: «... Что же до вероисповедных чувств, то у нас и раскольников-то уж теперь почти никто не гонит, а не то что инородцев, и если было в последнее время несколько редких, совсем единичных, случаев преследования штундистов, то эти случаи тотчас же и резко осуждались нашей новой прессой...» [13, с. 448]. По сути, не имея преград, штундизм стал распространяться среди коренного населения. В досоветской историографической науке проблема появления штунды в русских и украинских поселениях рассматривалась в двух направлениях. Православные авторы видели ее инородные корни, а именно немецкие, в противовес им либерально-буржуазные исследователи искали следы в родной почве, а точнее в молоканских и духоборских общинах, считая, что возникновение секты напрямую связано с ростом социальной напряженности в крестьянско-арендаторской среде в пореформенный период. При этом либералы опирались на высказывание Карла Бонкемпера, заслужившего репутацию «отца» российской штунды. По его мнению, традиционная штунда — это лишь форма исповедания евангелически-лютеранской веры, не имеющая прямого отношения к тем стихийно возникшим на российской почве религиозным новообразованиям, которые в официальной и церковной литературе фигурируют либо под тем же названием, либо как «новостундисты», «евангелики», «штундо-баптисты» и просто «баптисты» [19, с. 214]. При этом исследователи не задумывались, что так называемый «отец» штунды мог просто лукавить, не желая вступать в конфликт с российским законодательством как проповедник еретических учений среди православного населения. А, например, виднейший исследователь сектантства В. Андерсон, принадлежавший к числу сторонников православного взгляда, писал: «...По существу правы выразители обеих мнений: в нашей штунде отразились влияния и протестантского евангелизма и русского возбужденного, подчас изломанного, искаательства, но уже самый факт зарождения штунды в ее первоначальном виде именно между южнорусскими немцами-колонистами может считаться достаточно определенным показателем источника штунды...» [1, с. 421]. И, что интересно, так называемые либеральные исследователи не смогли создать ни одного более или менее значительного труда в области сектоведения. Они отличались небольшими бездоказательными статьями в своей так называемой «свободной» прессе. К числу видевших русские корни штундизма можно отнести и виднейшего писателя XIX в. Николая Семеновича Лескова, посвятившего этой теме ряд своих рассказов. Так, в одном из них, под названием «Некрещеный поп», автор пишет: «...Поистине удивительно, что наши народоведы и народолоб-

<sup>2</sup> По имени фризского проповедника Менно Симонса (1492-1559), проповедавшего пацифизм, автономию общин, равенство и братство всех членов, непротивление злу насилием.

цы, копавшиеся во всех мелочах народной жизни, просмотрели или не сочли достойным своего внимания малороссийских простолюдинов, которые пустили совершенно новую струю в религиозный обиход южно-русского народа...» Лесков с любовью называет сектантов «отшельниками в миру», видит в них «образцы трудолюбия и домовитости», уважает их стремление к грамотности «для изучения слова Божия» [18, с. 425]. Писатель считал, что новое религиозное течение было способно преобразить Россию, и это мнение сохранялось у него в течение всей его жизни. Беда Лескова заключалась в том, как писал известный русский философ и публицист П.Б. Струве, что Николай Семенович, будучи человеком «сильных страстей и страстных переживаний», попал под религиозное влияние Льва Толстого и оставался под этим влиянием до конца дней своих [24, с. 291]. С другой стороны некоторые, и оставаясь в лоне Церкви, перестали замечать, понимать и ценить красоту Православия, оно стало для них чем-то простым, незаметным, обыденным. Об этом же говорил и Н.В. Гоголь: «...Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его. У хозяина спрашивают показать лучшую вещь в его доме, и сам хозяин не знает, где лежит она...» [11, с. 1006]. Конечно, споры вокруг штунды продолжались и продолжают до сегодняшнего дня, и полной ясности в глазах ученых она не приобрела. Видимо, полувековой период ее существования на русской почве оказался слишком коротким для формирования собственного догматического и нравственного учения. Хотя наиболее характерными чертами вероучения штундизма признавались следующие: отрицание Священного Предания, Церкви и священнической иерархии как непрременной посредницы в спасении, отказ от таинств и чина церковных богослужений, от «святых угодников» и нередко от крещения младенцев. Отказываясь от священников, штундисты имели пресвитеров — руководителей общин, а также учителей, или проповедников, которыми поначалу были те же пресвитеры. Со временем образовалась прослойка проповедников, не связанных с отдельной общиной; переходя от общины к общине, они толковали Библию как единственный источник истины, им помогали диаконы [22, с. 182]. Уподобляясь немцам, уже в 1859 г. житель деревни Основы Одесского уезда Федор Анищенко стал активным проповедником среди местного населения. А в 1864 г. местный священник Стефан Стойков, выполняя свой пастырский долг, проинформировал благочинного, что в деревне Основа Одесского уезда Херсонской губернии появились прихожане, подозреваемые в принадлежности к секте реформаторов, именуемых «штундовыми» [19, с. 21]. Найдя благодатную почву, к 1867 г. стараниями Анищенко и его сторонников появилась штундистская община в соседних деревнях Основы — в Игнатовке и Ряснополе, насчитывавшая 35 семей. Другим центром распространения штундизма на Украине стали деревни Карловка и Любомирка Елизаветградского уезда, где в 1866 г. также появилась община. К началу 80-х гг. количество русских и украин-

ских штундистов в Киевской губернии насчитывало около 500 человек, а в целом на Украине превышало 1000 человек. Центрами распространения сектантского учения стали Киевская, Херсонская и Екатеринославская губернии, затем штундизм проник в Воронежскую, Орловскую, Тамбовскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую, Нижегородскую, Смоленскую и Московскую губернии [22, с. 181]. При этом необходимо добавить, что юг России являлся местом, куда издревле ссылали представителей русского сектантства: духоборов, молокан, хлыстов, субботников и др., ставших благодатной, уже подготовленной почвой для штундизма. Воронежскую губернию также не миновала эта духовная зараза. Так в «Воронежских епархиальных ведомостях» за 1899 г. имеются сведения о наличии сектантов и раскольников в деревнях и селах уездов губернии, которые сообщались приходскими священниками. А уже в № 10 от 15 мая этого года находится сводная «Ведомость о числе раскольников и сектантов в Воронежской епархии, составленная на основании сообщений приходского духовенства». В этой ведомости люди, отпавшие от Православия, официально были разделены на сектантов и раскольников. Раскольниками считались поповцы и беспоповцы, поповцы делились на австрийцев, окружников и противокружников, беглоповцев и поповцев, о которых нет точных сведений. Сектанты же, в свою очередь, подразделялись на рационалистов и мистиков, к рационалистам относились молокане, баптисты (штундисты), иудействующие, пашковцы и толстовцы, к мистикам — хлысты и шалапуты, они же скопцы. Кроме того, в местных отчетах по уездам встречались названия таких сект, как аттитуй, поморцы, федосеевцы, беспоповцы «никудашники», беспоповцы признающие браки и не признающие. Такое подробное перечисление сектантов с экзотическими названиями дается в целях показать полный обзор духовного недуга, распространившегося в Воронежской губернии в конце XIX в. В итоге, согласно «Ведомости...», баптистов (штундистов) по всей губернии оказалось 414 человек обоего пола с наибольшим преобладанием проживания их в городе Новохоперске и уезде [9, с. 453].

Ф.М. Достоевский, пытаясь объяснить причину распространения штунды, хотя сам к ней серьезно не относился, писал: «...Кстати, что такое эта несчастная штунда? Несколько русских рабочих у немецких колонистов поняли, что немцы живут богаче русских и что это оттого, что порядок у них другой. Случившиеся тут пасторы разъяснили, что лучше эти порядки от того, что вера другая. Вот и соединились кучки русских темных людей, стали слушать, как толкуют Евангелие, стали сами читать и толковать и — произошло то, что всегда происходит в таких случаях...» [14, с. 11].

Владимир Андерсон видел для русского крестьянина не только материальную привлекательность в штунде, т.е. способ зажить еще лучше и богаче, как немец, но и духовный аспект: «...Воспитанный Православием в сознании своей греховности, он, по вступлении в секту, считал себя

возрожденным, оправданным, святым; он произвольно разрывал связь с своею Церковью, духовенством, односельчанами, отказываясь от своих прежних обязанностей по отношению к ним, и вступал в другое общество, от которого можно было ждать нравственной и материальной поддержки. Посты, продолжительное стояние в церкви во время богослужения он считал для себя ненужным. Каждый из вступивших в сектантское общество мог надеяться получить право церковного учительства, о чем прежде он не смел и мечтать. Воздержание от водки, прелюбодеяния, усиленный трезвый труд, бережливость — скоро поднимали его благосостояние. ... Некоторым отступникам от Православия приходилось много выстрадать, но за эти страдания их братья и сестры по вере окружали их почетом и всевозможными средствами помогали не только им лично, но и их семьям. Благодаря такого рода условиям, сектантская пропаганда нашла себе последователей среди южно-русских и раскинулась в последствии на широкие пространства...» [1, с. 423].

Еще одну из причин вовлечения в штунду, выявил С.А. Рачинский, стоявший у истоков открытия церковно-приходских школ и общества трезвости в России. В своих «Письмах к духовному юношеству» в 1899 г. он писал: «...Наиболее губительное действие на простой народ производит нетрезвая жизнь священников. Темные проповедники штунды могучим оружием трезвости привлекают к себе еще более темных последователей. Молоканин-грамотей издает воззвание о трезвости, которое мог бы подписать любой православный. Безмерное зло (пьянство) наконец вызывает реакцию. Но реакцию эту должна взять в руки Церковь, ради своей чести, ради своей славы, ради миллионов, совращаемых лжеучителями, прикрывающими вредное содержание своего учения внешней нравственной истиной. Трезвость еще не есть нравственность. Но она необходимое условие всякого нравственного преуспеяния...» [8, с. 397-398].

Власти вместо того, чтобы блокировать штунду в одной местности, высылали сектантов в другие районы, а те продолжали распространять свою веру уже в новой среде. Изначально штундисты не теряли связи с Церковью, принимали участие в таинствах крещения, венчания, отпевали умерших по православному обычаю. Однако усиление репрессивных мер со стороны светских и духовных властей всё больше приводило к тому, что они стали замыкаться в себе, ограничив свой круг общения единоверцами и собраниями, в которых читали и обсуждали Библию, пели духовные песни и совершали совместные молитвы. А в 1870-е г. они полностью отпали от Православия, создав собственное религиозное течение, проводя таинство крещения по обычаю, принятому у баптистов и братских меннонитов: во взрослом возрасте, полным погружением в воду, иногда обливанием. По этому поводу Достоевский писал: «...История вечная, старая-престарая, начавшаяся раньше Мартына Ивановича Лютера, но по неизменным историческим законам почти точь-в-точь та же история и в нашей штунде: известно, что они уже распадаются, спорят



о буквах, толкуют Евангелие всяк на свой страх и на свою совесть, и, главное, с самого начала, — бедный, несчастный, темный народ! При этом столько чистосердечия, столько добрых начинаний, столько желания выдержать даже хоть муки и при всём том, однако, — столько самой беспомощной гаупости, столько маленького педантского лицемерия, самолюбия, усладительной гордости в новом чине “святых”, даже плутовства и крючкотворства, а главное — всё “с самого начала”, с самого то есть сотворения мира, с того, что такое есть человек и что женщина, что хорошо и что дурно и даже: есть ли Бог или нет Его? И как вы думаете: именно то, что они так беспомощны и так принуждены начинать сначала, именно это-то и нравится многим и особенно некоторым: “своим-де умом начнут жить, стало быть, непременно договорятся до чего-нибудь”. Вот рассуждение!..» [14, с. 12]. Конечно, будучи человеком талантливым, но при этом светским, Федор Михайлович сумел описать состояние людей, попавших под влияние секты, но не дал ему правильную духовную оценку, что сделал святитель Игнатий (Брянчанинов), назвав такое состояние «прелестью». «...Прелесть ... возбуждает в нем (человеке) мечтательность, приводит в движение кровь, приносит ему какое-то безвкусное, ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол “я”...» [20, с. 328].

Относительная терпимость в отношении сектантства, в том числе и штундизма, закончилась в 1880 г., когда обер-прокурором Св. Синода был назначен юрист, писатель, противник западного «Просвещения», защитник Православия К.П. Победоносцев, считавший европейский протестантизм злейшим врагом России. В 1882 г. обер-прокурор представил Александру III доклад «О распространении штунды среди населения Киевской области», предлагая принять «последовательные, безотлагательные меры против рассадников недоверия и недовольства к правительству». Император на докладе начертал: «Надо обратить самое серьезное внимание на штундистов и баптистов» [19, с. 243]. Хотя либеральные, «прогрессивные» круги всячески сопротивлялись напору Победоносцева, но Св. Синод неуклонно проводил линию по искоренению сектантства. Так, в 1884 г. в Киеве под председательством престарелого Киевского митрополита Платона (Городецкого) состоялся Собор архиереев южных и западных епархий. Как всегда, Собор обсуждал много важных вопросов церковной жизни: о положении духовенства, о свечных заводах, о соблюдении устава и церковном пении, о народном образовании, о мерах против влияния католичества и еврейства на православный народ. Но самой главной темой соборного обсуждения была борьба с усилившейся в южных епархиях штундой — насажденной немцами-колонистами сектой протестантского толка. Собор обратился к пастве с посланием, предостерегавшим верных от уклонения в лжеучения и особенно в штунду [26, с. 162-163]. Регулярными в стране стали съезды антираскольничьих миссионеров. В 1891 г. состоялось совещание православных деятелей под председательством обер-прокурора, на кото-

ром сектантство было признано серьезной опасностью для государства. В связи с этим совещание предлагало запретить сектантам покидать место постоянного проживания, в паспортах должны были делаться особые пометки, чтобы их не принимали на работу, на жительство, дети должны были изыматься для дальнейшего воспитания в православных традициях. Таким образом, жизнь для сектантов в России должна была стать невыносимой. Хотя предложения остались предложениями, однако в уголовный кодекс были внесены дополнения, по которым вышедшие из Православия и присоединившиеся к другим религиозным обществам лишались всех личных и гражданских прав, ссылались или приговаривались к полутора годам исправительных заведений. На основании положения Комитета министров от 4 июля 1894 г. секта штундистов была объявлена «одной из наиболее опасных в церковном и государственном отношении», а 3 сентября этого же года по циркуляру Министерства внутренних дел штундистам категорически запрещалось проводить молитвенные собрания [19, с. 244]. В России начала издаваться противосектантская, критическая литература, так, в «Воронежских епархиальных ведомостях» в № 3 от 1 февраля 1899 г. имеется анонс поступившей в продажу книги преподавателя Воронежской духовной семинарии П. Оболенского «Критический разбор вероисповедания русских сектантов рационалистов: духоборцев, молокан и штундистов». Книга была одобрена учебным комитетом Св. Синода в качестве учебного пособия в духовных семинариях при изучении рационалистических сект [6, с. 133]. А уже в №6 от 15 марта этого же года имеется сообщение о состоявшемся 21 февраля в актовом зале Казанской духовной академии коллоквиуме на соискание магистерской степени преподавателя Воронежской духовной семинарии П.П. Оболенского по теме вышеуказанной книги. На диспуте присутствовали архиепископ Казанский и Свияжский Арсений, почти все профессора и студенты. Совет академии признал защиту удовлетворительной. В ходе диспута П. Оболенский произнес речь, мысль которой заключалась в следующем: «...всем известно, какими быстрыми шагами вперед идет наше сектантство, и всем известен весь вред от этого для Православной Церкви. Тем не менее, наша либеральная печать не только долгое время не вооружалась против сектантства, но даже восхваляла за проявление якобы у простого народа разумной рассудочной деятельности. Наша противосектантская литература очень бедна: уже одно признание Св. Синодом моего скромного труда в качестве учебного пособия свидетельствует о том, как не высоко стоит наша противосектантская литература...» [7, с. 266]. Кроме того, создавались и противосектантские братства, об одном из них писал обер-прокурор Св. Синода в своем отчете за 1902 г.: «...Из противосектантских братств можно указать: Тарусское во имя Пресвятой Богородицы «Взыскания погибших» — против хлыстов и противоштундистского братства: открытое в 1901 г. в слободе Борисовке, Грайворонского уезда, Курской епархии — успевшее в первый год своего существования распространить до 8 000 брошюр и

листочков духовно-нравственного и полемического содержания, в коих находят ответы на вопросы, которыми шундисты обычно озадачивают несведущих людей...» [10, с. 119-120].

Однако если говорить не о сектантстве в целом, а только лишь о шунде, то судьба ее была предсказана великим писателем еще в январе 1877 г. Достоевский писал: «...А впрочем, бояться шунды совсем нечего, хотя жалеть ее очень можно. Эта шунда не имеет никакого будущего, широко не развинется, скоро остановится и наверно сольется с какой-нибудь из темных сект народа русского, с какой-нибудь хлыстовщиной — этой древнейшей сектой всего, кажется, мира, имеющей, бесспорно, свой смысл и хранящей его в двух древнейших атрибутах: вероучении и пророчестве...» [14, с. 13]. Федор Михайлович немного ошибся. Уже к началу 80-х гг. XIX столетия судьба шунды действительно была предрешена, она стала исчезать, эволюция ее религиозного учения сливалась не с хлыстовщиной, а с баптизмом. Л.Н. Митрохин считал, что поглощение шундизма баптизмом означало перерождение первого в одну из сложившихся протестантских Церквей. В области вероучительной это была замена свободного толкования Библии неукоснительным соблюдением «Исповедания», в сфере обрядности и организации — отказ от самостоятельных, стихийных форм и переход к четкой организации, в частности, к образованию слоя профессиональных руководителей-проповедников — пресвитеров [19, с. 220]. Еще в 1884 г. большинство шундистских общин вошло в Союз русских баптистов. Часть шундистов сохранили свою самостоятельность и существовали до начала XX в., отвергая все христианские таинства, некоторые из них примкнули к толстовцам и духоборам. Преследование шундистов прекратилось Высочайшим манифестом о веротерпимости 17 апреля 1905 г. И даже тогда находились люди, недовольные дарованной свободой совести, считая, что и этого недостаточно. Среди них — Лев Николаевич Толстой, писавший: «...Мне последнее время стали ужасны не физические уродства, раны, а духовные, из которых самые очевидные — уродства слова, употребляющего все способы для скрытия истины и выставления лжи вместо нее. Софизм возражения Победоносцева в следующем: у нас полная веротерпимость: мы позволяем строить церкви всех исповеданий и в них отправлять богослужения: крестить, венчать, хоронить, присягать и др., каждому по своим обрядам; но воспрещаем каждому вероисповеданию проповедовать свое учение, т.е. совращать из Православия, как они выражаются. Подразумевается, что религия состоит только в исполнении известных внешних жизненных актов: служба, похороны, крестины, брак, присяга, и больше ничего, и что эти акты каждое вероисповедание может делать по своему обряду, т.е. что магометан не заставляют крестить детей и т.п. Это не веротерпимость, а отсутствие насилия, такого, при котором ни один иноверец не стал бы приезжать в Россию. И тут до религии еще дела нет. Это мертвая форма; религия же есть нечто живое. Она нечто живое уже потому, что постоянно нарождаются новые люди, и для них вопрос: “какой

веры?» Вопрос этот решается опять по-мертвому, т.е. дети веры отцов. Стало быть, дело не религиозное, а гражданское; гражданское же решается не на основании того, что должно руководить всяким гражданским актом справедливости: 1) Дети, у которых один из родителей православный, должен быть православным. 2) Проповедовать устно и письменно Православие можно, никакое другое исповедание нельзя. 3) Сворачивать в Православие можно — это называется миссионерство, в другие же исповедания нельзя. Этих трех пунктов нет в других странах, и потому там есть веротерпимость, а у нас нет» [25, с. 256-257]. О вероучении Толстого позже писал Иван Бунин, назвав его «смесью кощунства и атеизма» [4, с. 519], поэтому «справедливости ради» граф готов был допустить в Россию миссионеров любых толков, невзирая на особенности проповедуемого ими вероучения. Об этом же 19 мая 1906 г. в заявлении «О свободе вероисповедания» по отношению к людям, попавшим в секты, с сожалением говорил архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), что обращаться к православным слушателям с проповедью чужих религиозных догматов — «...это значило бы надеяться переманить людей от солнечного света к тусклой керосиновой лампе. Пропаганда иноверия возможна лишь через хитрость, обман и насилие. ... Протестантство действует теми же средствами в Северо-Западном крае, а различные секты — в Крыму и Новороссии...» [2, с. 283-284].

После Февральской революции 1917 г. баптизм перестал испытывать серьезные проблемы, так как был признан советской властью жертвой, гонимой царизмом и Православной Церковью. К концу 20-х гг. прошлого столетия в его рядах насчитывалось до миллиона человек, издавались журналы и газеты, создавались молодежные объединения «балсомола», проводились курсы по подготовке проповедников, созывались пленумы. Однако положение изменилось в 1929 г. с введением «Законодательства о религиозных культах», большинство общин было закрыто в принудительном и административном порядке.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Андерсон, В. Старообрядчество и Сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия / В. Андерсон. — СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1909. — 460 с.
2. Антоний (Храповицкий), митрополит. Сила Православия / Антоний (Храповицкий), митрополит. — М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012. — 688 с.
3. Атеистический словарь / А. И. Абдусамедов [и др.]; под общ. ред. М.П. Новикова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Политиздат, 1986. — 512 с.
4. Бунин, И.А. Освобождение Толстого. / И. А. Бунин. // Темные аллеи; Повести и рассказы. — М.: Эксмо, 2010. — 800 с.
5. Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа / Изд. Воронеж. губерн. статист. комитетом. — Воронеж: Типолитография губернского правления, 1886. — Т. 2. — 732 с.

6. Воронежские епархиальные ведомости. Воронеж: 1899. — №3.
7. Воронежские епархиальные ведомости. Воронеж: 1899. — №6.
8. Воронежские епархиальные ведомости. Воронеж: 1899. — №9.
9. Воронежские епархиальные ведомости. Воронеж: 1899. — №10.
10. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. — СПб.: Синодальная типография, 1905. — 406 с.
11. Гоголь, Н.В. Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве. (Из письма к гр. А.П. Т...му) / Н.В. Гоголь // Полное собрание сочинений в одном томе. — М.: Альфа-Книга, 2009. — 1231 с.
12. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. — М.: Благословение. Институт русской цивилизации, 2011. — 816 с.
13. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: в 2 кн. / Ф.М. Достоевский. — М.: Астрель. АСТ, 2007. — Кн. 1: — 844 с.
14. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: в 2 кн. / Ф.М. Достоевский. — М.: Астрель. АСТ, 2007. — Кн. 2: — 523 с.
15. Ильин, И.А. О русском национализме (Сборник статей) / И.А. Ильин. — М.: Русский Фонд Культуры, 2007. — 152 с.
16. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой / И. де Мадариага. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 976 с.
17. История религии. В 2-х томах / А.Н. Бочковская [и др.]; под общ. ред. И.Н. Яблокова. — М.: Высш. шк., 2002. — Т. 2: — 639 с.
18. Лесков Н.С. Некрещеный поп / Н.С. Лесков // Избранное в двух томах. — Л.: Художественная литература, 1977. — Т. I: — 464 с.
19. Митрохин, Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Л.Н. Митрохин. — СПб.: РХГИ, 1997. — 480 с.
20. Носители Духа. Наставления о духовной жизни / Сост.: игумен Игнатий, А.И. Осипов. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 528 с.
21. Розанов, В.В. Опавшие листья / В.В. Розанов. — СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. — 400 с.
22. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700-1917 / И.К. Смолич. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — Кн. VIII, ч. 2: — 800 с.
23. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования: в 3 т. / А.И. Солженицын. — М.: Вагриус, 2008. — Т. 3: — 688 с.
24. Струве, П.Б. Н.С. Лесков. / П.Б. Струве // Россия. Родина. Чужбина. — СПб.: РХГИ, 2000. — 352 с.
25. Толстой, Л.Н. Из дневников и писем / Л.Н. Толстой // Полн. собр. соч. — М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1913. — Т. XVIII: — 324 с.
26. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005) / Владислав Цыпин, протоиерей. — М.: Сретенский монастырь, 2007. — 816 с.